

УДК 75.046(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-80-93

Борода: неочевидные роли знака в русской иконографии

Дмитрий И. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, antonov-dmitriy@list.ru*

Аннотация. Статья описывает роли бороды как иконографического знака древнерусского искусства. Делая краткий обзор древнерусских представлений о бороде, автор переходит к анализу иконографии и демонстрирует, что в разных визуальных контекстах у бороды появляется спектр неочевидных значений. Растительность на лице персонажа маркирует не только его пол (мужской) и возраст (юноша, зрелый муж, старец). В определенном контексте наличие или отсутствие бороды указывает на детско-родительские отношения (царь Соломон чаще всего не имеет бороды, так как изображается рядом со своим отцом царем Давидом). Определенные типы бороды указывают на аскета. Появляясь у души умершего, борода позволяет конкретизировать изображенного, де-анонимизировать фигуру. Борода на лице ангела делает его неоднозначным персонажем (как карающие ангелы на реке Евфрат из Откровения Иоанна Богослова). У демонов борода служит знаком иерархического главенства – так изображаются бесовские «князья», предводители и т. п., в том числе сатана. Наконец, на закате русского Средневековья различных «врагов» начали писать усатыми, с безбородыми лицами. Это отражало негативное восприятие брадобрития в целом и иностранцев, бреющих лица. После петровских культурных реформ тот же знак в старообрядческой миниатюре стал указывать на «еретиков»-никониан, бреющих бороды.

Ключевые слова: русская иконография, иконы, фрески, миниатюры, борода, брадобритие

Для цитирования: Антонов Д.И. Борода: неочевидные роли знака в русской иконографии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 1. С. 80–93. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-80-93

© Антонов Д.И., 2026

The beard. The non-obvious roles of a sign in Russian iconography

Dmitrii I. Antonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow Russian State University for the Humanities,
antonov-dmitriy@list.ru*

Abstract. The article describes the role of the beard as an iconographic sign of the Old Russian art. Making a brief overview of medieval Russian ideas about the beard, the author proceeds to analyze iconography and demonstrates that in different visual contexts, the beard had a range of unobvious meanings. The hair on the character's face marked not only his gender (male) and age (young man, mature man, old man). In a certain context, the presence or absence of a beard indicated a child-parent relationship (King Solomon most often does not have a beard, as he is depicted next to his father King David). Certain types of beard indicated a hermit. When it appeared on face of the soul of the deceased, the beard helped to concretize the depicted, de-anonymize the figure. The beard on the angel's face made him an ambiguous character (like the punishing angels on the Euphrates River from the Revelation of John the Theologian). With demons, the beard served as a sign of hierarchical supremacy – it is the way to depict the demonic “princes”, leaders, etc., including Satan. Finally, at the end of the Russian Middle Ages, various “enemies” began to be painted with moustaches and beardless faces. That reflected the negative perception of shaving in general and foreigners shaving their faces. After Peter the Great's cultural reforms, the same sign in the Old Believer miniature began to indicate “heretics”-Nikonians having their beards shaved.

Keywords: Russian iconography, icons, frescoes, miniatures, beard, shaving

For citation: Antonov, D.I. (2026), “The beard. The non-obvious roles of a sign in Russian iconography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*. no. 1, pp. 80–93, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-01-80-93

Разсохатая, тупая, с тремя космачками: древнерусские бороды

В 1910 г. Ф.И. Буслаев опубликовал статью «Древнерусская борода». Это стало первым исследованием не только средневековых русских представлений о бороде, но и особенностей изображения бороды в иконографии (иконе, фреске, миниатюре). Буслаев, в духе времени, с определенным скепсисом относился к иконографи-

ческой стилистике, сопоставляя ее с реалистической живописью и подчеркивая наивность и закостенелость древнерусских художников, которые веками повторяли общие формулы и приемы. Одним из таких приемов было изображение бороды – она относилась к устойчивым знакам, «азбуке» средневековой живописи, поэтому заслуживала исследования и описания: «Как бы то ни было, но борода в глазах иконописца была знаком большей зрелости и духовного совершенства и, следовательно, высшей красоты»¹.

Как отмечал исследователь, в постиконоборческой византийской литературе широко распространились описания ликов святых, которые использовали и в агиографических текстах, и в инструкциях для иконописцев. Эти тексты, с описаниями бород на мужских лицах, циркулировали на Руси. Ф.И. Буслаев провел обзор переводных и оригинальных русских сочинений, перечислив ключевые представления, которые определяли древнерусскую «сакрализацию бороды». С середины XIII в. в бытовавшие на Руси Кормчие книги включали антилатинские статьи, в том числе сочинение, приписываемое Никите Стифату, «О стрижении брад»². Такие тексты получили особую актуальность в XVI в., когда Стоглавый собор назвал брадобритие ересью и запретил отпевать бритых мужчин. «Ересь брадобрития» резко обличали в анафематизмах (проклятиях еретических заблуждений западных христиан), которые входили в «Свободную редакцию» чина принятия в православие католиков, также составленную в середине XVI в.³ В слове о брадобритии, приписываемом в рукописях патриарху Адриану, утверждалось, что бороду Господь даровал мужчине как «начальнику» над женщиной – женское естество не совершенно, подвластно мужчине, и борода служит очевидным знаком этих иерархических отношений.

В иконописи – византийской постиконоборческой, а затем русской – к бороде было приковано особое внимание. Прежде всего, она определяла облик святого, перекликаясь с литературными описаниями (визуальные и литературные тексты здесь явно влияли друг на друга). Кроме этого, борода подчеркивала то «совершенство» мужской природы, о которой говорили сочинения позднего

¹ См.: *Буслаев Ф.И.* Древнерусская борода // Сочинения Ф.И. Буслаева. Т. 2: Сочинения по археологии и истории искусства. СПб., 1910. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Fedor_Buslaev/sochinenija-po-arheologii-i-istorii-iskusstva-tom-2/7 (дата обращения: 04.10.2025).

² См. о нем: *Попов А.Н.* Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М.: Тип. Т. Рись, 1875. С. 122–126.

³ См. подробнее: [Акельев 2022, с. 109–111].

русского Средневековья. Толковые подлинники, инструкции для иконописцев, давали множество определений для той или иной бороды, отмечая все особенности ее формы, размера и укладки. Как саркастично отмечал Ф.И. Буслаев, «надобно было войти во вкус этих наивных эстетических представлений, чтоб серьезно постановить целью искусства изображать бороду то космачками, с тремя или пятью, то разсохату, тупую, в наусии раздвоенную и проч.»⁴. В результате бороды определенных типов, изображаемые у известных святых (Ильи Пророка, Иоанна Крестителя, Николая Мирликийского, Власия Севастийского и др.), превратились в иконографические формулы, типовые модели, которые использовали для изображения разных персонажей: «Описывая наружность какого-нибудь священного типа, подлинник иногда употребляет выражение: пиши такого-то с бородою власиевой, козьминой или николиной; или просто: борода козьмина, борода Ильи пророка». Более того: «Иногда даже образцовые типы определяются друг другом: так, борода Ильи пророка бородой Иоанна Богослова; например, по тому же Строгановскому подлиннику: “сед, брада аки Иоанна Богослова; власы долги, по плеча”»⁵.

Подробное исследование древнерусских представлений о бороде несколько лет назад предпринял Е.В. Акельев⁶. Однако анализ этого иконографического знака до недавнего времени не про-

---

⁴ Буслаев Ф.И. Древнерусская борода...

⁵ Там же.

⁶ [Акельев 2022, с. 100–155]. Запрет брадобрития содержится в ветхозаветной книге Левит – наравне с запретом татуировок и шрамирования «ради умерших»: «Не стригите головы вашей кругом, и не порти края бороды твоей» (Лев. 19:27). Византийские священники отпускали бороду, следуя этой заповеди и уподобляясь Христу. В XI в., в эпоху раскола Восточной и Западной церквей, католиков обвиняли в нарушении ветхозаветной нормы. Осуждения повторялись во множестве средневековых правил и поучений, которые переводили на Руси. Стоглавый собор анафематствовал бритых мужчин. В конце XVII в. ярым противником «лысых лиц» был патриарх Адриан – он жестоко осуждал петровский указ об обязательном брадобритии. Однако в начале XVIII в. церковь начала объяснять пастве, что все прежние осуждения брадобрития были неверными, а правила о ношении бород – неканоничными. Государство не принуждает подданных к смертному греху. Митрополит Димитрий Ростовский писал, что в Библии носить бороды было предписано только священникам; что апостольские правила были некогда искажены ересями, а изначально не включали эту норму; что Никита Студийский, под именем которого на Руси было известно одно из осуждений брадобрития, не причтен к лику святых; что

водился⁷. Кроме рассказа о формах и типах бород, Ф.И. Буслаев упомянул лишь еще одну роль, которую играл этот визуальный атрибут. Борода позволяла отличить на иконах, фресках и миниатюрах сатану от «рядовых» бесов: «Демоны, как падшие ангелы, в упоминают выше рукописной лицевой Библии графа Уварова изображаются безбородыми. Так писаны они в сцене низвержения их с неба во ад. Но сам сатана, как старейшина и князь бесов, отличается от них от всех длинной бородой»⁸.

Я хотел бы рассмотреть те значения, которые приобретала борода в разных визуальных контекстах. Как будет видно, у этого знака был широкий спектр ролей, а смыслы, которые позволяла передавать борода (или ее отсутствие), оказывались довольно разнообразными.

Борода в русской иконографии: визуальные роли

Борода – визуальный знак, указывающий прежде всего на пол (мужской) и возраст (зрелый или старческий). Однако, как и во многих других случаях, у этого знака можно выделить спектр неочевидных значений.

Сначала посмотрим на примеры, связанные с возрастом. Растительность на лице маркирует три разных стадии в жизни персонажа-мужчины. Безбородая фигура в мужской одежде – юноша, борода – зрелый муж, длинная и/или седая борода – знак старца. На иконах русских страстотерпцев Бориса и Глеба бородой наделяют только старшего брата, Бориса, но не юного Глеба. На иконах Рождества Христова три волхва чаще всего представляли три возраста: юность, зрелость и старость, что маркировали бороды – длинная с проседью, окладистая и отсутствующая. Разницу в бородах можно

Стоглавый собор принял абсурдную норму, поставив судьбу бессмертной души человека в зависимость от бороды на его лице; что римский папа Петр Гугнивый, от которого, по рассказу известного на Руси сочинения «Прение Панагиота с Азимитом», «ересь брадобрития» распространилась на Западе, не числится среди пап и, следовательно, вовсе не существовал (персонаж и в самом деле был выдуман средневековыми православными авторами для обличения католиков в различных «ересях») и т. п.

⁷ Этот вопрос я рассматривал в книге 2023 г. [Антонов 2023, с. 134–141]; данная статья основана на дополненных материалах, публиковавшихся в монографии.

⁸ Буслаев Ф.И. Древнерусская борода...

заметить даже на крошечных фигурках, когда волхвы изображались конными в углу композиции. Так же отмечали возраст на иконах, где Борис и Глеб изображались вместе с их отцом, князем Владимиром. Великий князь, отец братьев-страстотерпцев, занимает центральную позицию, а его удлиненная борода указывает на старейшинство (во всех смыслах). Борис стоит по правую руку от отца и носит небольшую темную бороду; младший Глеб – безбородая фигура по левую руку от Владимира.

Ил. 1. Борода как маркер возраста/старшинства:

Владимир, Борис и Глеб в иерархически организованной композиции. Фрагмент иконы «Святые благоверные князя Владимир, Борис и Глеб», втор. пол. XVI в. Владимиро-Суздальский музей, Инв. № В-6300/111

На иконах, где показаны люди всех возрастов, категорий и социальных страт («Хвалите Господа с небес», «О тебе радуется», «Страшный суд» и др.), безбородые и длиннородые мужские фигуры в разных группах демонстрировали возрастную шкалу от юношей до старцев.

Возраст персонажа относителен: одного и того же человека могут изображать в разные моменты его жизни. Соответственно, в сценах юности он будет безбородым, в других сценах – бородатым. Появление бороды маркирует взросление, как появление нимба – обретение святости или начало праведной жизни. Кроме того, старейшинство зачастую понимается не в буквальном, по числу лет, а в метафорическом смысле – по жизненному опыту, духов-

ному статусу или социальному положению. «Старейшина»-правитель может быть (относительно) молодым человеком. Духовных наставников из числа монахов называют «старцами» независимо от реального возраста. Это часто отображается в иконографии. Если святой стал монахом или пустынником в юности, борода может возникнуть у него именно в этот момент (аскеза – путь зрелого подвига). В этом контексте появление бороды (реже – согбенной спины⁹) обозначает духовное, а не биологическое взросление. Если человек был книжником, мудрецом, наставником, священником, в большинстве случаев он также получит этот атрибут.

Ил. 2. Царь Давид изображен анфас и смотрит прямо на зрителя (редкое визуальное решение).

Слева – царь Соломон, безбородая фигура юноши (сын Давида).

Фрагмент иконы «Сошествие во ад», ок. 1497.

Кирилло-Белозерский музей, Инв. № ДЖ-326

Все закономерности предполагают исключения. В пророческом ряду иконостаса и во многих композициях изображают коронован-

⁹ К примеру, именно так, с помощью согбенной спины, современный художник обозначил момент, когда священник Алексей Мечёв († 1923, канонизирован в 2000) принял подвиг старчества. Эту сцену можно увидеть над ракой святого в московской церкви Николая Мирликийского в Клённиках на Маросейке.

ные фигуры царей Давида и Соломона. На иконах Сошествия во ад они стоят справа от Христа. Соломона традиционно пишут безбородым (как и некоторых пророков, в том числе Даниила рядом с ним). Это не имеет четкой связи с историей его жизни. Соломон дожил до преклонных лет, он известен не подвигами юности, а мудростью, строительством первого храма в Иерусалиме, приписываемым ему авторством ряда библейских книг – все это предполагает наличие бороды как знака возраста и статуса. Напротив, Давида, который в юности победил филистимлянского воина-исполина Голиафа, нередко изображали отроком, с пращей. Однако борода появляется именно у него. Благодаря такому контрасту возникает логичное соотнесение: Соломон – сын Давида. Оказываясь рядом с отцом, он может смотреть на него, как младший на старшего. Борода в этом контексте помогает выстроить особую связку между персонажами.

Аналогичная пара – бородатый и безбородый цари – встречается в сложных композициях (см. выше фрагменты икон «Хвалите Господа и небес» и «О тебе радуется»). Это либо анонимные правители разных возрастов, либо, в некоторых контекстах, те же библейские персонажи.

Борода, протянувшаяся до земли, либо (чаще) распадающаяся на отдельные, неуложенные/непричесанные пряди, указывает на аскета. Такая прическа часто дополняется всклокоченными волосами – они не стоят дыбом, как у демонов и грешников, но изображаются с отдельными взлохмаченными прядями сверху и по бокам головы. Происхождение этих знаков понятно – христианская аскетическая литература часто упоминала, что отшельник не расчесывал и не стриг волосы. Характерная прическа указывает на смирение плоти, жизнь в пустыне. Самый частый персонаж иконописи, наделяемый такой прической, – Иоанн Предтеча [Антонов 2023, с. 132–134].

Следующая важная роль бороды связана с бесплотными духами. Без растительности на лице (часто нагими / в набедренной повязке или в белых одеждах – погребальном саване) изображают людские души, которые отходят от тела, проходят посмертные мытарства в воздухе, путешествуют по раю и аду, мучаются в преисподней или пребывают на небесах в ожидании Страшного суда и воскресения тел. Так же, без бороды, изображают ангелов, так как у них не должно быть биологических мужских признаков.

Это кажется логичным – небесные духи и людские души бесплотны. Но как уже понятно, борода имеет более широкий спектр значений. Если у людей она может указывать на духовную зрелость, то, появляясь у ангелов, она резко принижает их образ. Неесте-

ственное сочетание – бесплотный дух и специфические черты живого человека – дает негативный эффект. Это редчайшие случаи. Так изображали персонажей, чей статус был неясным и спорным. В Откровении Иоанна Богослова описаны грозные ангелы, связанные при реке Евфрат, которые умертвят третью часть людей после того, как затрубит шестой ангел (Откр. 9:14–15). В миниатюрах русских Апокалипсисов их писали либо как обыкновенных ангелов, либо как ангелов без нимбов, но с усами и бородами¹⁰. В результате небесные духи превращались не в бесов, но в нечто среднее между Божьими посланниками и земными тварями.

Что касается демонов, «приставлять» им бороду было куда проще и естественней. Хотя эти духи сохранили общую с ангелами бесплотную природу, после падения с небес они уподобились земным созданиям. Уже Аврелий Августин († 430) писал, что бесы приблизились к материальному, вещественному миру. В славянском переводе сочинений афонского монаха, святого Григория Синаита († ок. 1346), можно прочесть, что демоны «вещественную некую дебелисть каждый имеет»¹¹. Демонов изображали в виде звероподобных монстров, гибридных созданий с множеством хищных пастей, глаз, конечностей. В европейском искусстве их фигуры сплетают черты зверей, рыб и насекомых. И хотя в восточно-христианской иконографии бесы чаще всего выглядят как эйдолоны – темные и нагие ангелы с хохлами вместо нимбов, – растительность у них на лице не так удивительна, как у ангелов. Здесь снова актуализируется идея старшинства. Как отмечал Ф.И. Буслаев, борода – знак

¹⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 299. № 460. Л. 69 об. В Апокалипсисе XVII в., который описывает Ф.И. Буслаев, рядом с четырьмя грозными ангелами без нимбов стоит подпись: «Сия четыре ангели привязани въ весели Божия видения». Это цитата из толкования на Апокалипсис Андрея Кесарийского: «Сия четыре ангелы глаголють нещи Михаила, Гавриила, Урила, Рафаила, иже суть привязани въ весели Божия видения». Интересно, что сам Андрей опровергает такую идею: «Азь же мню, яко сии суть отъ злыхъ демонъ привязанныхъ въ Христове пришествии». В результате между подписью и изображением возникает противоречие. Ангелы показаны без нимбов, как бесы (что соответствует толкованию), но подпись зовет их светлыми ангелами, вырывая фразу Андрея Кесарийского из контекста. См.: *Буслаев Ф.И. Русский лицевой апокалипсис: Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й: В 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1884. Ил. 259.*

¹¹ *Игнатий (Брянчанинов), свт. Жизнь и смерть: Слово о человеке; Слово о смерти. М.: Держава, 2005. С. 387.*

высокого иерархического положения демона. Изредка она может появиться у простого беса, но чаще всего это символ власти, который позволяет выделить бесовских «князей». Сатана часто выделяется среди безбородых духов не только более крупными размерами и атрибутами власти (трон, реже корона), но и растительностью на лице. Главный бес, «предводитель», «воевода» – бородастая фигура в окружении безбородых (см подробнее: [Антонов 2025, с. 85–92; Антонов, Майзульс 2024, с. 33–47]).

Ил. 3. Апостолы Петр и Павел ведут в Царствие небесное людей после Страшного суда. Все фигуры, включая ветхозаветных патриархов, узнаваемы благодаря одеждам, бородам и другим атрибутам.

Их лишены только спасенные души в «лоне Авраама» в левой части фрагмента – эти фигуры анонимны, в их иконографии важна лишь идея смерти и спасения.

Фрагмент иконы «Страшный суд». Кон. XVI в.

Ярославский художественный музей, Инв. № И-13; КП-53403/13

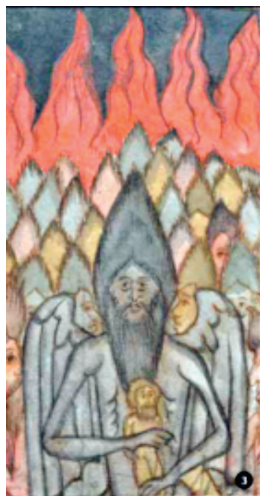
Наконец, бороды возникают и при изображении душ – как праведников в раю, так и пленников ада. Если речь идет об изображениях Страшного суда, это может показаться более логичным – в определенных фрагментах композиции могут иметься в виду не души, а уже воскресшие для Суда люди. Однако зачастую в изображениях нет однозначности: имеются ли в виду посмертные муки до Суда или вечные муки после. Даже в сценах видений, где речь идет о посмертной судьбе душ и где чаще всего фигурируют безбородые фигуры, это правило часто нарушается и возникают бородастые персонажи (самый яркий пример – компо-

зии Сошествия во ад¹²). Дело не в общей, а в контекстуальной логике: если иконописец или миниатюрист хотел подчеркнуть социальный статус персонажа, его прижизненную позицию или возраст смерти, он показывал это одеждой, бородой и другими атрибутами, играющими роль маркеров. Сделать кого-либо узнаваемым, лишив его одежды, знаков пола и возраста, практически невозможно.

Это относится не только к иконографии, но и к письменным или устным историям. В христианских визионерских текстах люди после смерти выглядят так же, как на земле, и ведут образ жизни, который напоминает земной или прямо копирует его: обитают в домах, ходят на службы, едят и пьют. Об условности или реальности таких образов могли спорить, но это не влияло на способы рассказа о незримом. Перенос земных реалий на посмертный мир – естественный язык его описания и изображения. Рай и ад либо буквально осмыслили, либо метафорически представляли в виде квазиземного пространства, где действуют люди, не утратившие своих прежних характеристик. Дидактический рассказ невозможен без наглядных и представимых образов. В этом плане появление бороды у душ или у воскресших людей неудивительно, как и появление у них земной одежды.

Ил. 4. Бородатый сатана в аду держит фигурку бородатого Иуды. В большинстве случаев Искарриота изображали в виде нагого безбородого персонажа, как душу, но изредка у него появлялась борода или одежда.

Фрагмент миниатюры из старообрядческого сборника. Нач. XX в. ОР БАН. Чуван. № 244. Л. 38

¹² О других интересных знаковых особенностях этих композиций см., к примеру: [Шалина 1994; Антонов 2023, С. 226–238].

На закате русского Средневековья возник еще один прием, у которого были любопытные исторические и культурные корни. «Врагов» начали писать усатыми, с безбородыми лицами. На миниатюрах Годуновской псалтири некоторые грешные воины носят усы, в одном случае – огромные и пышные¹³. Так же выглядят язычники на иконе «Великомученик Георгий, с житием» 1669 г.¹⁴ Усатые бесы и усатый Антихрист глядят на зрителей с икон и миниатюр¹⁵. Даже Ад, изображенный в виде огромной зубастой головы, иногда примерял усы.

Такая прическа явно перекликалась с негативным восприятием «голых» (выбритых) лиц иноземцев, которое ярко отразилось в русских текстах XVI в. Безбородые усатые демоны и грешники на изображениях XVI–XVII вв. уподоблялись с еретикам-иностранным.

В начале XVIII в. Петр I радикально изменил эту норму, приказав боярам бриться и установив в стране налог на бороду. В результате наличие или отсутствие бороды разделило общество по социальному принципу, выделив бритую аристократию. С этого времени образ бритых и усатых бесов и грешников в старообрядческой миниатюре явно начал соотноситься с внешним видом дворян и служилых людей. Такие изображения могли служить орудием анти-никонианской полемики¹⁶.

---

¹³ Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания: В 6 т. Т. 2: Лицевые рукописи XI–XIX вв. Кн. 1: Лицевые рукописи XI–XVII вв. М.: Сканрус, 2010. С. 141 (л. 45), 213 (л. 253), 273 (л. 431 об.). Однако на л. 148 (л. 53) усы появляются уже не у грешника, а у нейтрального персонажа. Ср. усатых грешников в сборнике конца XVII в.: Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ). Муз. № 279, л. 222 об., 225.

¹⁴ Оpubл.: Иконы Муром. М.: Северный паломник, 2004. № 40.

¹⁵ Антихрист с длинными усами в сборнике XVIII в.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. ОЛДП. Q. 736, л. 144 об. Усатые демоны: София Премудрость Божия: Каталог выставки русской иконописи XIII–XIX вв. из собраний музеев России / Мин. культуры РФ, ГТГ. М.: Радница, 2000. № 118 (см. пятое клеймо); ОР ГИМ. Син. № 114. Л. 88, 85 об., 185; ср. 224 об.; ОР ГИМ. Увар. № 63. Л. 26.

¹⁶ В синодике середины XVIII в. «диявол» несет пьяницу. Сатана представлен в виде человека в красном кафтане и синих сапогах, с большими пышными усами и высоким треугольным хохлом. Внизу дьявол подносит пьянице сосуд – здесь вместо хохла у него возникают длинные, висящие ниже плеч волосы. На другой миниатюре «демон» несет священнику три рыбины: это человек в кафтане и фартуке, в высоком «шлеме» и с большими усами (ОР РГБ. Ф. 344. № 240. Л. 27, 47).

* * *

На примере бороды хорошо видно, что визуальные знаки в иконографии часто имеют целый спектр ролей – даже если у них есть базовое значение. Эти роли могут по-разному сочетаться или накладываться друг на друга, формируя гибкие системы. Они позволяют играть смыслами. Благодаря этому иконография наполняется множеством контекстуальных нюансов.

Литература

- Акельев 2022 – *Акельев Е.В.* Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов «москвитов». М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.
- Антонов 2023 – *Антонов Д.И.* Нимб и крест: как читать русские иконы. М.: АСТ, 2023. 304 с. (Искусство. Подарочная энциклопедия)
- Антонов 2025 – *Антонов Д.И.* Падшие ангелы: демонология средневековой Руси. М.: АСТ, 2025. 240 с.
- Антонов, Майзульс 2024 – *Антонов Д.И., Майзульс М.Р.* Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. 5-е изд., испр. и доп. М.: Форум: Неолит, 2024. 270 с.
- Шалина 1994 – *Шалина И.А.* Псковские иконы «Сшествие во ад»: О литургической интерпретации иконографических особенностей // Восточнохристианский храм: Литургия и искусство. Сб. статей / ред.-сост. А.М. Лидов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 230–270.

References

- Akel'ev, E.V. (2022), *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desyat' millionov "moskovitov"* [Russian Misopogon: Peter I, shaving and ten million of "Muscovites"], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. (2023), *Nimb i krest: kak chitat' russkie ikony* [Halo and Cross. How to read Russian icons], AST, Moscow, Russia. (*Iskusstvo. Podarochnaya entsiklopediya*)
- Antonov, D.I. (2025), *Padshie angely: demonologiya srednevekovoi Rusi* [The fallen angels. Demonology of the Medieval Russia], AST, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. and Maizul's, M.R. (2024), *Anatomiya ada: Putevoditel' po drevnerusskoi vizual'noi demonologii* [Anatomy of hell. A guide to Old Russian visual demonology], Forum, Neolit, Moscow, Russia.
- Shalina, I.A. (1994), "Pskov icons 'Descent into hell'. On the liturgical interpretation of iconographic features", in Lidov, A.M., ed., *Vostochnokhristianskii khram: Liturgiia i iskusstvo. Sbornik statei* [Eastern Christian church. Liturgy and Art. Collected articles], Dmitrii Bulanin, Saint Petersburg, Russia, pp. 230–270.

Информация об авторе

Дмитрий И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; antonov-dmitriy@list.ru

Information about the authors

Dmitrii I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; antonov-dmitriy@list.ru